

Памяти Лемуэля Джонсона

Благодарности

Если вести исчисление в книжных годах — данная работа уже девушка, а не новорожденный младенец. У ее истоков, процесса формирования и особенностей стоит целая цепочка знакомств и история взаимодействия с вовлеченными в ее судьбу людьми. В первую очередь я хотела бы поблагодарить моих родителей, Джеймса и Юн Уилширов. Они многие годы поддерживают мои научные устремления вопреки тому, что академическая среда им временами кажется чем-то не от мира сего. Этот проект восходит к моей диссертации, поэтому я считаю себя обязанной поблагодарить моих научных руководителей из Мичиганского университета, Саймона Гиканди и Лидию Лю, за их бесценный опыт и профессиональное наставничество, Йопи Принс — за мягкое ободрение и отстаивание моих интересов, Кристи Меррил — за веру в силу языка и стиля и помощь мне в сохранении этой веры по прошествии всех этих лет, Дэвида Портера — за великодушную помощь, критический запал и стопроцентную человечность. Я также считаю своим долгом почтить память моего первого научного руководителя Лемуэля Джонсона, который был олицетворением истинного ученого и который познакомил меня в первые годы послевузовского образования с идеалом универсального единства во всем его невероятно богатом содержании. Я могу только надеяться, что он бы ощутил свое неоспоримое влияние на эту книгу.

Многие люди из Боудин-колледжа поспособствовали эволюции и воплощению этой книги в жизнь, и я хотела бы от всего сердца поблагодарить каждого из них. Мои студенты, в особенности с курсов «О Китае издалека» и «Запретная столица», были

прекрасными собеседниками и помогали моим мыслям не витать в эмпиреях во время подготовки издания. Мои замечательные коллеги по кафедре английского языка и программе «Азиатские исследования» обеспечивали для меня атмосферу поддержки и обмена мнениями, которую я особенно ценила, будучи начинающим исследователем, впервые взявшимся за преподавание в гуманитарном колледже. В частности, хочу отдельно отметить вклад Мэрилин Рейзбаум и Авивы Брифель, которые помогали продвижению моего проекта как наблюдательными замечаниями, так и мудрыми советами. Особых благодарностей заслуживает Шущинь Цуй, которая была мне и наставницей, и защитницей. Она ознакомилась с рукописью и обозначила ряд сложных вопросов о гендере и кросс-культурном переводе, которые я до сих пор осмысливаю. Превыше всего я ощущаю себя в глубоком долгу перед несколькими друзьями и коллегами из нашего литературного коллектива. Они проявили себя как люди, готовые прийти на помощь коллеге и подруге не просто из чувства долга, но из солидарности, и прочитали большие фрагменты текста, возвращаясь ко мне и с дружественными комментариями, и с критическими отзывами. Без этих людей процесс написания книги был бы гораздо более одиноким занятием. Джефффри Селингер выступил с позиций человека вне сферы моих исследований, который необычайно искренне поделился со мной ценными мыслями по поводу тех мест, где моя писанина оказывалась малоинтересной. Выджаянти Ратнам Селингер предложила целый ряд остроумных замечаний по поводу содержания книги как на макро-, так и на микроуровне и помогла мне довести затею до конца. Рейчел Стурман, кажется, неутомима в своих мыслительных экзерсисах. Она героически вставляла четкие, требующие дополнительной доработки вопросы на многих этапах работы над текстом. Рейчел для меня не только источник комментариев, но и пример для подражания. Постоянно проявляющая ясность и глубину мысли Хилари Томпсон всегда понимала, что я хочу сказать в том или ином случае, куда я хочу довести мои идеи и то, насколько разнообразны пути, которыми я могу достичь (и превзойти) мои цели.

Я глубоко благодарна всей команде издательства Temple University Press, и в частности Аманде Стил и Гари Крамеру за то, с каким профессионализмом они вели мой текст вплоть до момента публикации, и в особенности Джанет Франсендиз, моему редактору, которая на интуитивном уровне сразу поняла цель моего проекта и с особой заботой подошла к тому, чтобы он стал действительностью. Моя книга участвует в инициативе «Американские литературы» (American Literatures Initiative) и в этом качестве пользовалась щедрой финансовой поддержкой Фонда имени Эндрю Меллона. Я также хотела бы горячо поблагодарить редактора серии Дэвида Палумбо-Лю и нашего второго ридера Роба Уилсона за подробные и пронцательные комментарии, которые стимулировали меня на открытие новых горизонтов и значительно углубили интеллектуальное содержание издания. Отдельных благодарностей заслуживает Уильям Томпсон, который ознакомился с книгой как поэт и уберег меня от множества неудачных метафор. И искренне благодарю Чэнь Гуана, который служил мне и опорой, и примером храбрости. Именно его работы представлены в издании и иллюстрируют тот значительный смысловой потенциал, который скрывает за собой это слово: «Тяньбаньмэнь». Наконец, спасибо Хилари, которая всегда была рада быть моей музой на овощной грядке!¹

¹ Аллюзия к «Миссис Дэллоуэй» Вирджинии Вулф, где Кларисса вспоминает, как Питер Уолш спросил ее в юности: «Размышляешь об овощах? Я предпочитаю людей цветной капусте». — *Прим. пер.*

Чэнь Гуан. Слом № 1. Масло, холст. 2007 год. Перепечатывается с разрешения художника

Пролог

Тяньаньмэнь в китайской диаспоре и литературе

*Китайская литературная диаспора после
событий на площади Тяньаньмэнь*

В наших воспоминаниях о Тяньаньмэнь вырисовываются два противоборствующих образа силы. Ханна Арендт, возражая спустя два десятилетия Мао Цзэдуну, во многом предвидела это столкновение идей. Мао отстаивал мнение, что «винтовка рождает власть»¹. Арендт же оптимистично предполагала, что истинная власть «всегда нуждается в поддержке множества сторонников» и опирается на «мощь живых людей» [Arendt 1970: 41–42]. Эти два тезиса обнаружили свое историческое олицетворение и вошли в столкновение в 1989 году в Пекине. По одну сторону мы наблюдаем массы людей, вышагивающих по улицам, и студентов, оккупировавших центральную площадь китайской столицы.

¹ Необходимо отметить обстоятельства произнесения этой знаменитой фразы Мао Цзэдуном. Считается, что он выдвинул этот лозунг в речи 7 августа 1927 года в ходе Наньчанского восстания против гоминьдановского правительства; восстание считается начальной фазой Гражданской войны в Китае (1927–1936, 1946–1950). На тот момент Мао Цзэдун не был общепризнанным лидером Коммунистической партии, находясь в тени руководителей из числа городской интеллигенции, рассчитывающих на политические методы борьбы за власть. Сказав о том, что именно «винтовка рождает власть», Мао Цзэдун, таким образом, призвал отойти от прежних методов и перейти к военной борьбе. Реальный смысл этого лозунга привязан к конкретным обстоятельствам и задачам, стоящим перед китайскими коммунистами. — Прим. науч. ред.

По другую сторону мы видим танки, неотвратно пересекающие перекрытые проспекты. Эти общеизвестные образы обеспечили наследию Тяньаньмэнь долгую жизнь. События, развернувшиеся на площади², — притча об эксцессах властных режимов, а также очередной трагедии общечеловеческого движения сопротивления таким проявлениям авторитарности. Вне зависимости от того, к произведениям какого жанра мы обращаемся, воспоминания о Тяньаньмэнь практически всегда выражены терминами, почерпнутыми из политики. Ведь превыше всего этот эпизод истории Китая оказался возвеличен как политический миф, сказание о великой схватке между тоталитаризмом и демократией под занавес холодной войны. Кровавая кульминация «события» выступает могущественным вызовом или даже просто опровержением гипотезы Арендт, это неразрешимая проблема для любой теории власти, которая бытует в наши времена. Поэтому нам и не приходится удивляться тому, что Тяньаньмэнь

² События на площади Тяньаньмэнь в 1989 году в Пекине, рефлексия по поводу которых является объектом изучения в этой книге, — это совокупность протестных выступлений, продолжавшихся с 15 апреля по 4 июня, а также акций по их разгону и наведению порядка в городе, которые имели место с ночи на 4 июня по 10 июня. Изначально студенческие выступления были посвящены памяти умершего 15 апреля Ху Яобана, одного из руководителей КНР, с именем которого были связаны китайские реформы. Позднее эти выступления приобрели форму протестов, в ходе которых студенты, а также присоединявшиеся к ним горожане призывали к борьбе с коррупцией и расширению политических преобразований. Употребление выражения «4 июня» для обозначения всех этих событий является определенной условностью. Непосредственно в ночь на 4 июня военные действительно зачистили площадь Тяньаньмэнь, вынудив находившихся на ней студентов разойтись по кампусам, однако большая часть политической активности на площади относится к началу-середине мая, тогда как к началу июня протестное движение исчерпало себя и уже находилось в кризисе. При этом большая часть жертв (официальные оценки: 300 погибших, неофициальные: от 900 до 1600) относятся к столкновениям на подступах к площади в ночь на 4 июня, а также последующим дням, когда военные жестко подавляли случаи неповиновения им. Автор подробнее рассказывает об этом в четвертой главе книги, поэтому не будем раскрывать карты раньше времени. Другое важное дополнение — весной 1989 года протестные акции проводились не только в Пекине, но и практически во всех крупных городах КНР, охватив в общей сложности несколько миллионов человек. — *Прим. науч. ред.*

осмыслиется преимущественно в категориях политики. Ведь это свершение, отгремевшее во всю силу на мировой политической арене. И в равной мере вполне очевидно, что о наследии этого инцидента рассуждают в первую очередь через слова, подчеркивающие, насколько многое было проиграно и провалено в те дни.

По настоящее время остается практически незатронутым вопрос о том, как события на площади Тяньаньмэнь повлияли на литературу. Даже сейчас мы ощущаем, сколь много мыслей *порождает* память об этом событии даже по прошествии 30 с лишним лет. Причем не только в Китае, но и на Западе. Ведь именно после 4 июня 1989 года судьбы китайской и западной литературы оказались неразрывно связаны. В настоящей книге мы рассмотрим множество проявлений наследия Тяньаньмэнь в литературе, в первую очередь — художественной. Моя ключевая идея заключается в том, что феномен Тяньаньмэнь более, чем любое другое событие в сравнительно недавней мировой истории, породил и выдвинул на первый план очевидно *политизированную* китайскую литературную диаспору.

Этот процесс мы имеем возможность наблюдать даже на уровне того, как указанные события освещались в литературе. После 1989 года все, что произошло тогда на главной площади Китая, стало достоянием литераторов. История переплелась с вымыслом и породила огромное число возможных нарративов о Тяньаньмэнь, и это число продолжает неуклонно расти. Эта тема до сих пор остается цензурной для коммунистического правительства, воцарившегося в Китайской Народной Республике, поэтому большинство произведений соответствующего содержания были опубликованы за пределами континентального Китая. Как мы убедимся в дальнейшем, находящиеся на территории КНР литераторы, которые хотят обратиться к сюжетам, связанным с Тяньаньмэнь, вынуждены идти на всевозможные сюжетные ухищрения. Как раз эта необходимость говорить иносказательно, а не отсутствие у авторов желания писать на эту тему и не различия политических позиций при освещении соответствующих событий, сильнее всего отличают издания, доступные в материковом Китае, от книг, опубликованных за его пре-

делами. Книги, написанные как на китайском, так и на других языках, в настоящее время преимущественно распространяются в культурной и языковой среде, которая вынесена за пределы границ государства, где состоялось протестное движение. Тяньаньмэнь — именно национальное событие, однако пишут и говорят о нем за пределами страны, в которой это событие произошло. Возможно, вопреки воле литераторов, заинтересованных в этой теме, литература о Тяньаньмэнь стала вынужденно транснациональной. Более того, именно потому, что соответствующие вопросы могут публично, открыто и прямо обсуждаться исключительно за пределами КНР, размышления о Тяньаньмэнь стали особенно плодотворным направлением для литературных произведений представителей китайской диаспоры в мире. По прошествии всего этого времени все еще находятся писатели, готовые препарировать события в Пекине. Тяньаньмэнь — одна из важных составляющих литературной идентичности китайской диаспоры, а написание книг на эту тему — практически полностью занятие представителей диаспоры, которое и стимулирует развитие этой традиции и укрепляет самосознание литераторов, идущих по этому пути. По верному замечанию,

события 1989 года в Пекине за то время, которое прошло с подавления движения, стали одним из наиболее общедоступных временных и пространственных ориентиров, за счет которых находящиеся за пределами КНР китайские авторы могут формировать свои миры. Бойня на площади Тяньаньмэнь — центральная тема современной китайско-американской и транснациональной китайской художественной литературы [Berry 2008: 353]^{3, 4}.

³ См. главу «Пекин в 1989 году» в «Истории боли» Майкла Берри. Автор через призму теории травмы демонстрирует, как китайская литература и кинематограф запечатлевают Тяньаньмэнь.

⁴ Слова, обозначающие то, что происходило на площади Тяньаньмэнь 4 июня 1989 года, явственно отражают позиции сторон. В КНР обычно говорят об «инциденте» и «контрреволюционном мятеже», за ее пределами — о «бойне» или «резне». Для издания намеренно сохраняем эти существенные различия. — *Прим. пер.*

В таком контексте мы можем сильно сузить определение того, что подразумевается под «литературной диаспорой после событий на Тяньаньмэнь»: это можно воспринимать как обозначение тех авторов, которые через литературу осмысливают последствия произошедшего в 1989 году.

Но если мы хотим охватить большее число явлений, невзирая на то, о чем, собственно, пишут те или иные авторы, то под «литературной диаспорой после событий на Тяньаньмэнь» можно понимать социологической феномен массовой миграции, который стоит за произведениями такого толка. С самого момента объявления Дэн Сяопином в 1978 году политики реформ и открытости китайские студенты и интеллектуалы стремились попасть на Запад. После Тяньаньмэнь этот тренд, по выражению одного исследователя, обернулся «мощным оттоком крови» [Wang L. L. 1994: 208]. В том массовом отъезде людей из Китая, который случился сразу же после начала военного подавления протестов 4 июня, наиболее примечательную группу уезжающих составляли лидеры студенческого движения, в том числе Уэркай-си, Чай Лин и Ли Лу (№ 2, 4 и 17 соответственно в списке «21 самого разыскиваемого студента», изданном правительством КНР). Активистов, умудрившихся окольными путями покинуть Китай, по прошествии всего нескольких месяцев после бойни встречали на Западе как знаменитостей. Чуть менее заметными были беженцы-интеллектуалы, которые активно поддерживали студентов, в том числе астрофизик Фан Личжи, культуровед Су Сяокан и журналист-литератор Чжэн И. Все они в течение двух лет покинули Китай и переехали в США. Здесь они воссоединились с другими интеллектуалами, в том числе знаменитым журналистом-расследователем Лю Биньянем, который преподавал в США по специальному приглашению с 1988 года и которому возвращение в КНР было запрещено после того, как он в эфире американского телевидения публично осудил бойню, учиненную КНР на Тяньаньмэнь. В последующие годы эти две группы известных ссыльных диссидентов опубликовали наиболее исчерпывающие и на настоящий момент наиболее знаковые произведения по Тяньаньмэнь, в том числе написанное Лю Биньянем в соавторстве

с другими литераторами исследование демократического движения «Расскажите всему миру: что случилось с Китаем и почему» (1989 год), серию политических эссе Фан Личжи, которые были написаны за время его пребывания под покровительством посольства США в Пекине и собраны под общим названием «Пробиваясь сквозь Великую стену» (1990 год), автобиографию «Воспоминания о злключениях» Су Сяокана (2001 год), а также мемуары бывших лидеров студенческого движения, в том числе «Двигая горы» Ли Лу (1990 год), «Почти что революция» Шэнь Туна (1990 год) и «Бегство из Китая» Чжан Боли (2002 год). Все эти произведения основаны на глубоко личных переживаниях и воспоминаниях и часто исходят из желания засвидетельствовать или доказать подлинность того, что произошло на Тяньаньмэнь. Все эти мемуары, эссе и аналитические статьи показывают события на площади через призму контактов с другими людьми. «Инцидент» на Тяньаньмэнь становится прежде всего возможностью дать свидетельские показания и восстановить истину.

Гораздо меньше исследовано далекоидущее воздействие Тяньаньмэнь на китайскую литературу в целом. 4 июня не только стало отправной точкой для волны политической миграции, но и выдвинуло на первый план в китайской диаспоре несколько поколений литераторов. Возьмем для примера поэзию. Для старшего поколения поэтов, которые были связаны со «Стеной демократии» 1978–1979 годов⁵ и подпольным журналом «Сего-

⁵ «Стена демократии» — явление политического процесса в КНР в 1978–1979 годах, связанное с борьбой за власть после смерти Мао Цзэдуна между Дэн Сяопином и выдвиненцами «культурной революции». Под предлогом поисков оптимальных путей развития Китая сторонникам перемен было разрешено помещать рукописные плакаты (так называемые *дацзыбао*) на кирпичную стену в пекинском районе Сидань. Изначально плакаты были посвящены в основном критике так называемой «банды четырех» из числа выдвиненцев «культурной революции», позднее они перешли и к критике Хуа Гофэна, номинального лидера КНР после смерти Мао, с которым боролся Дэн Сяопин. С феноменом «стены демократии» был связан общий подъем демократизации в стране, вызвавший появление новых журналов, литературных произведений и т. д. После того как Дэн Сяопин консолидировал власть в партии и стране, размещение дацзыбао на «стене демократии» было свернуто, а ряд наиболее активных критиков политического режима в стране — арестован — *Прим. науч. ред.*

дня» («Цзиньтянь»), Тяньаньмэнь стал переломным моментом. Бэй Дао, который тогда участвовал в работе конференции в Берлине, оказался в вынужденной ссылке и один, вдали от родных и близких, в течение десяти лет переезжал из страны в страну. Ян Лянь, который с начала того года работал при Оклендском университете, присоединился к международному протесту против правительства КНР и потерял китайское гражданство. В конечном счете ему удалось получить политическое убежище в Новой Зеландии. Позже он обосновался в Лондоне. Гу Чэн, также находившийся в тот же момент в Оклендском университете, с 1989 года жил в самопровозглашенной ссылке в Новой Зеландии вплоть до самоубийства в 1993 году. До До, работавший в небольшой пекинской газете и лично наблюдавший за событиями на площади, как раз 4 июня летел в Лондон. На следующие десять с лишним лет ему было запрещено возвращение в КНР. Эти и другие поэты, участвовавшие в движении за «Стену демократии», составляют группу самопровозглашенных литераторов-диссидентов, которые вынуждены были отправиться в ссылку после Тяньаньмэнь⁶. «На руинах того, что осталось от площади, — замечает один автор, — возникла поэзия кошмара» [Barnstone 1993: 37]. При этом события на Тяньаньмэнь также способствовали «заметному усилению» поэтической деятельности в китайской диаспоре после 1989 года. Многие ссыльные стихотворцы, в том числе Ван Цзясинь, Сун Линь, Чжан Цзао, Чжан Чжэнь и Бэй Лин, перебрались на Запад, где и работали в течение 1990-х годов, не как политические изгнанники, а как иммигранты и ученые по обмену [Yeh 1993: 283–284].

Действительно, на макроуровне мы можем говорить о том, что далекоидущее литературное наследие Тяньаньмэнь, пускай менее очевидное и заметное, проявляется в *добровольных*, а не *вынужденных* действиях писателей. Именно эта идея лежит в основе

⁶ Условия в КНР постепенно меняются. До До разрешили вернуться в Китай в 2004 году. Сейчас он преподает при Хайнаньском университете. После 1999 года Ян Лянь регулярно посещал КНР по новозеландскому паспорту. Бэй Дао еще не допускается в Китай, но работает при Городском университете Гонконга и получил возможность публиковаться на материке.

моего исследования. События 4 июня привели не только к принудительным ссылкам, но и к значительной волне иммиграции и принятию гражданства в иностранных государствах как среди тех, кто участвовал в протестном движении 1989 года, так и тех, кто к нему не имел прямого отношения. Так, Гао Синцзянь еще в 1987 году переехал во Францию, но после бойни в Пекине отказался от членства в Коммунистической партии Китая (КПК) и был объявлен правительством КНР персоной нон грата. В дальнейшем автор обосновался в Париже. В 1997 году он получил французское гражданство. Ма Цзянь, живший в Гонконге с 1986 года, вернулся в Пекин в 1989 году, чтобы лично увидеть демонстрации. Он переехал в Германию после того, как Гонконг был возвращен Китаю в 1997 году, и сейчас живет в Лондоне. И Гао, и Ма публиковались в КНР в 1980-е годы. Их отъезды объясняются нежеланием писать в условиях цензуры. Иными словами, они уехали и по профессиональным, и по политическим соображениям. Впрочем, для обоих продолжение жизни за рубежом связано с нежеланием возвращаться в Китай после 4 июня 1989 года.

В равной мере бойня на Тяньаньмэнь дала лишний повод огромному множеству китайских студентов, уже обучавшихся в зарубежных вузах, оставаться за границей. Многие из этих людей в дальнейшем стали известными писателями в диаспоре. В одних только США в 1989 году обучалось около 30 тысяч китайских студентов. Решение президента США Джорджа Буша-старшего предоставить им временное убежище в свете событий 4 июня существенным образом изменило демографический состав американцев китайского происхождения [Wang L. L. 1994: 196]. В области литературы наиболее показателен пример Ха Цзиня⁷. Ха обучался сравнительной поэзии в Брандейском университете с 1985 года. Первоначально он намеревался вернуться в Китай и стать вузовским преподавателем. Однако, увидев кадры кровопролития в Пекине, Ха решил остаться в США. Сейчас он

⁷ Ха Цзинь — авторский псевдоним Цзинь Сюэфэя. Далее по тексту автор будет обозначаться просто как «Цзинь». — *Прим. пер.*

преподает английский язык в Бостонском университете. Цю Сяолун, с 1988 года работавший в Университете Вашингтона в Сент-Луисе, также решил остаться в США после бойни и стал публиковаться на английском языке. Шоухуа Ци прибыл в США в 1989 году для прохождения магистерской программы в Университете штата Иллинойс. Он также посчитал нужным остаться в США после 4 июня и в настоящее время преподает английский в Западном университете штата Коннектикут. Аналогичные истории происходили и в Канаде. Тинсин Е, стипендиат Йоркского университета с 1987 года, не вернулась в Китай по окончании обучения в 1989 году и сделала карьеру в качестве писательницы подростковой литературы для англоязычной аудитории. Она обосновалась близ Торонто. Несколько иначе складывались обстоятельства у Ин Чэнь, которая уехала из Шанхая весной 1989 года, незадолго до разгона протеста, и задержалась в самопровозглашенной ссылке в Монреале. Сначала она изучала писательское мастерство в Макгиллском университете, а позже стала известна как автор романов на французском языке. Причем подобные сюжеты разворачивались далеко не только в Америке. Неким «собратом» Ха Цзиня в Европе можно назвать Дай Сыцзе, который с 1984 года учился по стипендии во Франции и остался в стране после 4 июня. Дай стал популярным кинорежиссером, а его литературные произведения не раз попадали в списки бестселлеров.

Наконец, отдельная большая группа иммигрантов покинула КНР вскоре после бойни. Многие из этих людей в дальнейшем стали профессиональными писателями на Западе. В интервью и эссе они связывали отъезд, по крайней мере частично, с Тяньаньмэнь. Среди таких авторов — Янь Гэлин, которая прибыла в США в конце 1989 года и сейчас проживает в окрестностях залива Сан-Франциско, Диана Вэй Лян, также уехавшая в 1989 году, позже перебравшаяся из США в Великобританию и в настоящее время имеющая как британское, так и американское гражданство, Лю Хун, которая в том же 1989 году уехала в Великобританию, Шэн Сюэ, также покинувшая Китай в 1989 году и теперь живущая в Торонто, Шань Са, которая переехала во Францию

в 1990 году, и Хун Ин, перебравшаяся в Великобританию в 1991 году. События 4 июня заложили основы для массового, эпохального исхода литераторов из Китая. Последующие годы были отмечены заметным интересом к творчеству китайских авторов-мигрантов на Западе. Тренд на миграцию сохранялся, по всей видимости, и в 1990-е годы, пускай в более сглаженной форме. Это видно на примере авторов младшего поколения, в том числе Энни Ван и Июнь Ли⁸, которые прибыли в США соответственно в 1993 и 1996 годах. Литераторы этой группы начали приобретать известность в первые десятилетия XXI века. Мы уже живем в третьем десятилетии после событий на площади Тяньаньмэнь. Ряды писателей, составляющих литературное крыло китайской диаспоры, постоянно пополняются, хотя, конечно, их ценностные ориентиры неизбежно меняются под влиянием процессов глобализации. В самом широком смысле под «литературной диаспорой после событий на Тяньаньмэнь» можно понимать не только писателей, которые покинули КНР или предпочли остаться за рубежом в первые годы после 4 июня, но и литераторов, продолживших этот тренд в XXI веке под влиянием немеркнувшего следа, который бойня оставила в их мыслях.

Впрочем, о людях можно рассуждать в категориях демографии до бесконечности, вплоть до того, пока эти категории не утратят все разумные очертания и пределы. Для моих целей важнее всего отметить, что Тяньаньмэнь сильно повлиял на *настроения* внутри китайской литературной диаспоры, побудив последнюю к политизации. Да, китайская литературная диаспора — феномен с давней историей и широкой географией. Она оформилась задолго до 1989 года, да и сложно говорить о тех, кто взялся за перо после 4 июня, как о некоей новой или даже единой группе людей. И все же в свете развернувшейся на столичной площади бойни в литературной диаспоре фиксируется обостренный интерес к проблемам политической власти — новый вид ожесточенной

⁸ С учетом тематики книги на всякий случай отметим, что это просто китайское имя из слогов «и» и «юнь», а не отсылка к наименованию месяца. — *Прим. пер.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru